

Нина Бронская

после

РАЗВОДА

ГЕНЕРАЛ

в твоей памяти

Инна Вронская

После Развода.

Генерал в моей палате

«Автор»

2026

Вронская И.

После Развода. Генерал в моей палате / И. Вронская — «Автор», 2026

Я тихо открываю дверь ключом, собираясь крикнуть: «Сюрприз! Мой рейс задержали». Но слова застревают в горле. В прихожей, рядом с его аккуратными туфлями, стоят другие. Высокие, на шпильке, черные лаковые. Чужие. А рядом с моими тапочками, которые я оставила здесь утром, валяется маленькая белая пластиковая палочка. На ней — две яркие красные полосы. Муж и молоденькая мед сестра из соседнего отделения в нашей супружеской кровати. — Ну что, может, примешь роды у моей любимой? — Саша обнимает за талию вздрагивающую блондинку — Только твоим рукам я могу доверить рождение своего сына. Это же будет так символично. Та, которую я не люблю, даст жизнь моему любимому наследнику! Я не стала этого терпеть и подала на развод. Но, мой муж, заведующий отделением, не хотел скандального расставания и предложил сделку: — Смотри, ты сейчас делаешь так чтобы этот народный герой, генерал, не выжил под твоим скальпелем, а я даю тебе развод. У меня с ним счета. Согласна?

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Инна Вронская

После Развода. Генерал в моей палате

Глава 1

Мои руки пахнут луком, морковью и свеклой. Только что закончилась двенадцатичасовая смена, три сложных реплантации, а я стою у плиты. Мясной бульон шипит, пар запотеваает окно, за которым кружится предновогодний снег. Борщ. Его любимый. Густой, наваристый, как у его бабки, как он любит повторять.

Я уже не помню, когда готовила его просто так, для радости. Теперь — только по графику. Чтобы было. Чтобы не упрекнул. Чтобы в холодильнике стояли аккуратные контейнеры с его любимым салатом и котлетами на всю неделю моей командировки. Чтобы его рубашки, которые я гладила до полуночи, висели в шкафу, рассортированные по дням. Понедельник — голубая. Вторник — белая с синей полоской. Как по расписанию операций.

Я, хирург, который может собрать раздробленную кость в единое целое. И я — жена, которая должна собрать в кучу его носки и свое достоинство, рассыпавшееся где-то между операционной и этой кухней.

Ключ поворачивается в замке. Это он.

— Я дома, — раздается его голос из прихожей. Не «привет», не «как день?». Констатация факта. Я дома. Ты тут? Отлично.

Он проходит на кухню, не снимая пальто. Бросает оценивающий взгляд на кастрюли, на ряды контейнеров, на меня в застиранном домашнем халате.

— Борщ сняла вовремя? Иначе сметана свернется.

— Сняла, — отвечаю я, и мой голос звучит глухо, будто из того самого бульона.

— И запеканку тоже приготовила? В прошлый раз без нее было.

— Приготовила. Все, как ты любишь.

Он подходит к холодильнику, открывает его. Его взгляд — как луч хирургической лампы, холодный и беспощадный. Он проверяет. Не наличие еды. Он проверяет меня. Исполнение инструкции. Я — его младший ординатор в собственном доме.

— Рубашки поглажены? На завтра голубая?

— Да, Александр. Развешала.

— Хорошо.

Он поворачивается ко мне. Его лицо красиво, холодно и совершенно бесстрастно. Таким оно стало два года назад, когда он сел в кресло заведующего, а я осталась «рядовым перспективным хирургом». Как будто вместе с должностью он получил новое лицо. Маску из льда и высокомерия. И где-то под ней, наверное, еще живет тот Саша, который смеялся на нашей свадьбе и держал мою руку в родильном зале, когда я теряла нашего нерожденного сына... Но до него уже не докричаться.

Он наклоняется. Чувствую легкое прикосновение губ к щеке. Сухое, быстрое. Как печать на документе. Контракт подписан. Жена выполнила обязанности. Муж удовлетворен.

— Такси заказано? Не опоздай. Конференция важная.

— Не опоздаю.

Он уходит в кабинет, не оглядываясь. А я накладываю последнюю ложку борща в контейнер. И эта ложка почему-то тяжелее всех. В горле стоит ком. От пара, от обиды, от этой невысказанной, проглоченной тысячи раз боли. В браке он даже не дал мне свою фамилию, я так и осталась Калининой, а он Королев.

— Держись, Аня, — шепчу я себе, закручивая крышку. — Ты же сильная. Ты спасаешь людей. Ты выдержишь и это.

Но в голосе, звучащем у меня в голове, нет уверенности. Только усталость.

В аэропорту — хаос и голос диктора, который звучит, как приговор.

— ...рейс в Санкт-Петербург отменен в связи с неблагоприятными метеоусловиями. Следующий вылет — через двадцать четыре часа.

Я стою с чемоданом посреди шумящей толпы, и сначала меня накрывает волна раздражения. Потом — пустая усталость. И только потом, когда я уже еду в такси обратно, в холодную, продуваемую всеми ветрами высотку, где мы живем, приходит другая мысль.

А что, если это не просто задержка? Что если это знак? Судьба дарит нам целые сутки. Неожиданные, вырванные у графиков и конференций. Может, он тоже расстроился, когда узнал? Может, он уже накрывает на стол, достает то вино, что мы берегли... Глупость. Он, наверное, даже не проверял статус моего рейса.

Но надежда — страшная сила. Она начинает греть изнутри, сильнее любой метели. Я представляю его удивление. Его улыбку. Настоящую. Может, мы поговорим? Как раньше? Может, он снимет эту маску...

— Остановите здесь, у цветочного павильона, пожалуйста!

Я выхожу на ледяной ветер и покупаю огромный, нелепый букет алых гербер. Они похожи на маленькие солнца. Как вспышка. Как попытка осветить нашу темную квартиру, наш тихий, вымерший брак. Цветы ДЛЯ СЕБЯ.

Сердце бьется чаще, когда я поднимаюсь на лифте. Вот оно. Неожиданность. Романтика. Мой дурацкий, последний порыв.

Я тихо открываю дверь ключом, собираясь крикнуть: «Сюрприз!». Но слова застревают в горле.

В прихожей, рядом с его аккуратными туфлями, стоят другие. Высокие, на шпильке, черные лаковые. Чужие.

Из гостиной доносится смех. Женский. Звонкий, молодой. И его смех в ответ. Такого смеха я не слышала от него годами.

Знак был. Но он был не для нас. Он был для меня.

Глава 2

Я стою на пороге своей спальни. Моей. Нашей. Букет гербер падает на пол с глухим, безжизненным шумом. Я не слышу этого. Я не слышу ничего, кроме бешеного стука крови в висках. Это ритм агонии.

Они не заметили меня сразу. Александр сидит на краю нашей кровати, спиной ко мне. Его рука лежит на обнаженной спине той... девушки. На молодой, упругой коже, которую не портили годы бессонных дежурств. Ее светлые волосы растрепаны. Она смеется, запрокинув голову, и я вижу ее профиль. Людмила. Медсестра из соседнего отделения. Двадцать пять лет. Если ей есть двадцать пять.

А потом мой взгляд падает на пол. Рядом с моими тапочками, которые я оставила здесь утром, валяется маленькая белая пластиковая палочка. На ней — два ярких, наглых, кричащих красных полосы.

Положительный тест на беременность.

Мир не просто рушится. Он взрывается изнутри, превращаясь в миллионы острых осколков. Каждый осколок — это наша общая память. Первое свидание. Свадьба. Мечты. Наш нерожденный сын, которого мы потеряли пять лет назад и после которого он перестал ко мне прикасаться. Каждый осколок впивается в самое нутро, причиняя невыносимую, физическую боль.

Я делаю шаг. Паркет скрипит под ногой. Идиотский звук.

Они оборачиваются.

На лице Людмилы мгновенно расцветает паника. Она вскрикивает, хватается за простыню, чтобы прикрыться. Красивая фигура, большая грудь, которая была мечтой моего мужа.

В ее глазах — страх, но где-то в глубине, кажется, и торжество.

Александр... Он не вздрагивает. Не отпрядывает. Он медленно, очень медленно поворачивает ко мне голову. И на его лице нет ни ужаса, ни даже смущения. Только холодное, изучающее любопытство. Как будто я — интересный клинический случай. Пациент, который внезапно пришел в себя на операционном столе не вовремя.

— Аня, — произносит он мое имя ровным, деловым тоном. — Рейс отменили, значит?

Он не спрашивает. Он констатирует. Его спокойствие — это хлыст, который бьет сильнее любой истерики.

Я не могу вымолвить ни слова. Воздух вырвался из легких, и новый не поступает. Я просто смотрю на него, и кажется, вижу этого человека впервые. Незнакомца с ледяными глазами.

— Что... — мой голос — осколки разбитого хрустала. — Что это?

Я указываю взглядом на тест. Мой палец дрожит.

Александр следует за моим взглядом. Он смотрит на тест, потом на Людмилу, и на его губах появляется что-то вроде улыбки. Не теплой. Самоуверенной, властной.

— Кажется, это очевидно, — говорит он, небрежно поглаживая плечо Людмилы. Та прижимается к нему, ища защиты, но смотрит на меня исподлобья. — Люда беременна. Мальчик. Ходили на первый скрининг

Каждое его слово — точно удар скальпелем по живому, незамороженному нерву.

— Ты...? — повторяю я, и мой разум отказывается складывать эти слова в осмысленную картину. Он сопровождал, интересовался. Значит, это не спонтанная измена. Это... проект. Это уже история.

— Ну конечно, — он пожимает плечами, как будто говорит о новой поставке бинтов. — Нужно быть уверенным. Тем более, у нас с тобой не получилось, — его взгляд на секунду становится жестче, обвиняющим. Как будто в нашей трагедии виновата я одна. — А наследника я хочу. Нужно продолжать род.

— Род? — вырывается у меня хриплый, почти животный звук. — Ты говоришь о продолжение рода, когда... когда ты... в нашей спальне?! С другой женщиной?!

Наконец, во мне что-то ломается. Ледяной шок сменяется ослепляющей яростью. Такая ярость, которая стирает всё: воспитание, усталость, боль.

— Вставай! — кричу я, и мой голос гремит, незнакомый мне самому. — Сию же минуту вставай и убирайся отсюда! Оба! Вон!

Людмила взвизгивает. Александр же просто поднимает бровь. Он не двигается с места.

— Успокойся, Анна. Ты же врач. Ты понимаешь, что истерика не поможет. Мы можем обсудить всё цивилизованно.

— Цивилизованно? — я задыхаюсь от хохота, в котором нет ни капли веселья. — Ты лежишь голый в моей постели с этой... с этой шлюхой, а у тебя на полу твой будущий «наследник» валяется, и ты говоришь о цивилизованности?! Вон! **ВОН ИЗ МОЕГО ДОМА!**

Я делаю шаг вперед, не зная, что буду делать. Схватить вазу? Растерзать их голыми руками? Вырвать все ее блондинистые волосы?

Александр наконец-то медленно, с преувеличенной неспешностью поднимается. Он не спешит прикрыться. Он стоит передо мной, демонстрируя свое превосходство, свою наглую уверенность. Людмила, кутаясь в простыню, жмет за его спиной.

— Твой дом? — он произносит мягко, ядовито. — Милая, ты забываешься. Это наш общий дом. Купленный на мои деньги. Вернее, на деньги, которые я зарабатываю как заведующий. А ты... ты что зарабатываешь? Рядовой хирург в моем отделении? Твоя зарплата — это на продукты, не больше.

Его слова обжигают, как кислота. Потому что в них есть доля правды. Унизительной, горькой правды, которую я сама себе годами не позволяла думать.

— И потом, — он продолжает, его голос становится сладким, ехидным, невыносимым. — Зачем такой тон? Мы же все взрослые люди. Более того, мы коллеги. Я вот о чем подумал... Ты же лучший хирург-травматолог в городе, хоть и зарыла свой талант. Руки у тебя золотые. Хотела сначала на акушера идти в ординатуру...

Он делает паузу, давая своим словам просочиться в меня, как яду.

— Ну что, может, примешь роды у моей любимой? — он обнимает за талию вздрагивающую Людмилу. — Только твоим рукам я могу доверить рождение своего сына. Это же будет так... символично. Ты дашь жизнь тому, кого я действительно хочу.

В глазах темнеет. Земля уходит из-под ног. Эта фраза — последний, убийственный удар. Он доверяет моим рукам вытащить на свет плод его измены. Потому что я — лучшая. Потому что я — услужливая. Потому что я для него больше никто.

Глава 3

Я не кричу больше. Я говорю. Тихим, ровным, мертвым голосом, который пугает даже меня.

— Сейчас. Вы оба. Выйдете. В чем есть. Или я не криком, а телефонным звонком в полицию и в администрацию больницы подниму такой скандал, что твоя карьера, Александр, кончится, не успев начаться. И твоя... любимая... — я бросаю ледяной взгляд на Людмилу, — никогда больше не получит не то что должность, а даже место санитарки. Вы мне верите?

Я вижу, как в его глазах мелькает искра сомнения. Впервые за этот кошмар. Он привык командовать мной. Но он не привык, чтобы я угрожала. По-настоящему.

— Ты не посмеешь, — говорит он, но уже без прежней уверенности.

— Попробуй. У тебя есть тридцать секунд, чтобы собрать свои шмотки и исчезнуть.

Я поворачиваюсь и выхожу из спальни. Иду в гостиную, к телефону. Мои шаги тверды. Я вся — сжатая пружина, лезвие.

Через минуту я слышу шум, ругань. Вижу, как они, действительно полураздетые, Александр в одних брюках, Людмила, натянувшая его рубашку поверх того немногого, что на ней было, мечутся в прихожей, хватая свои вещи. Я стою, прислонившись к косяку, и смотрю на них. Без эмоций. Я опустошена.

— Это не конец, Анна, — бросает Александр на прощание, запихивая ноги в туфли. Его лицо искажено злобой. — Ты об этом пожалеешь. Крепко пожалеешь.

Дверь захлопывается.

Тишина. Гробовая, оглушительная тишина.

И только тогда я опускаюсь на пол, в ту самую прихожую, где час назад купила дурацкие цветы в надежде на чудо. Я сижу среди осколков своей прежней жизни, обнимаю себя за плечи и начинаю медленно, бесшумно раскачиваться. Слез нет. Они выгорели. Осталась только пустота. Черная, бездонная, холодная пустота, в которой плавают лишь два красных полоска и его голос: «...доверю рождение своего сына...»

Утром больница встречает меня своим привычным гулом. Я прохожу по длинному коридору к своему отделению. И уже с первых шагов чувствую на себе взгляды. Не обычные, утренние, деловые. А быстрые, украдкой, полные неприличного любопытства.

Из ординаторской доносится сдавленный смех. Затихает, когда я прохожу мимо открытой двери. Я вижу, как моя коллега, Марина, быстро отворачивается к компьютеру. У санитарок у процедурного поста — оживленный шепот. Они замолкают, увидев меня. Но их глаза горят.

— Доброе утро, — говорю я ровным, профессиональным тоном, не сбавляя шага.

— Доброе... — бормочут они в спину, и я чувствую, как их взгляды прилипают к моей спине.

У меня дежурство. Я пытаюсь погрузиться в работу: обход, изучение новых историй болезни. Но атмосфера гнетущая. Будто в воздухе разлит тяжелый, липкий газ сплетен. Я ловлю обрывки фраз, проходя мимо перевязочной:

— ...а я говорила, что между ними что-то есть, он ее всегда на легкие дежурства ставил...

— ...ну да, а теперь вот результат налицо, в прямом смысле, ходят слухи, что...

— ...бедная Анна Викторовна, вчера ведь улететь должна была, а вернулась, наверное...

Я вжимаю голову в плечи, будто от удара. Они уже все знают. Или думают, что знают. В этой больнице стены не просто говорят — они кричат.

В десять утра раздается общий вызов на планерку в конференц-зал. Необычно, вне графика. Ледяная тяжесть опускается в живот. Я знаю, что это значит.

Зал заполнен. Весь персонал нашего и соседнего хирургического отделения. Я стою у стены, стараясь быть незаметной. Александр уже здесь. Он у доски, безупречный в новом, отглаженном халате. Его лицо спокойно, властно. На нем нет ни тени вчерашней ярости или смущения. Он — начальник. Царь и бог в этих стенах.

Рядом с ним, чуть в сторонке, стоит Людмила. Она тоже в белом халате, но на нем уже нашита новая, шитая шелком бирка «старшая медсестра». Волосы уложены в тугую, безупречный пучок. На лице — деловая серьезность, но уголки губ подрагивают от едва сдерживаемой улыбки. Ее взгляд скользит по залу и на секунду задерживается на мне. В ее глазах — не извинение, а вызов. И торжество.

— Коллеги, внимание, — голос Александра, усиленный микрофоном, легко перекрывает гул. — Небольшое, но важное кадровое изменение. В связи с уходом на пенсию Валентины Степановны, должность старшей медсестры хирургического отделения с сегодняшнего дня занимает Людмила Сергеевна Орлова.

В зале на секунду повисает тишина, а потом взрывается сдержанным гулом удивления. Все знают Валентину Степановну — опытейшую, строгую, проработавшую здесь тридцать лет. И все знают Людмилу — молодую, не особо отличившуюся медсестру из кардиологии.

— Людмила Сергеевна зарекомендовала себя как ответственный и перспективный работник, — продолжает Александр, не обращая внимания на шепот. — Уверен, она справится с новыми обязанностями. Прошу вас оказывать ей всемерное содействие.

Он произносит это, глядя прямо перед собой. Но каждый в этом зале понимает подтекст. Это демонстрация силы. Публичная пощечина мне. Он не просто изменил. Он привел любовницу на мою территорию и поставил ее над частью моей работы. Он показал всем, кто здесь хозяин. И кто теперь — никто.

Планерка заканчивается. Все расходится, бросая на меня сочувствующие, любопытные или злорадные взгляды. Я направляюсь к выходу, чувствуя, как спина деревенеет под тяжестью этих взглядов.

— Анна Викторовна, зайдите ко мне, пожалуйста, — его голос настигает меня у двери. Вежливо, начальственно. — По рабочим вопросам.

Я оборачиваюсь. Он уже уходит в сторону своего кабинета, не дожидаясь ответа. Приказ. Я следую за ним, чувствуя, как ноги стали ватными.

Кабинет заведующего просторный, с видом на город. Он закрывает дверь. Щелчок замка звучит громко, как выстрел. Теперь мы одни.

Он не садится за свой начальственный стол. Он оборачивается ко мне, прислоняется к краю стола, скрещивает руки на груди. Маска делового спокойствия спала. На его лице — холодное, сосредоточенное презрение.

— Ну что, — начинает он тихо, без предисловий. — Поняла, как обстоят дела?

Я молчу. Просто смотрю на него.

— Твое вчерашнее представление, — продолжает он, — было, конечно, эффектным. Вынос вещей, угрозы... Очень эмоционально. Женщина, что сказать.

Он делает паузу, давая словам впитаться.

— Но это ничего не меняет. Ты видела сегодня утром? Весь персонал уже в курсе. Но не как о жертве, поверь. Как о скандалистке, которая не смогла удержать мужа. А я... я — сильный руководитель, который даже в сложной личной ситуации находит лучших специалистов на ключевые посты.

Его губы растягиваются в тонкую, безрадостную улыбку.

— Так устроен мир, Аня. Восприятие — все. И ты сейчас в восприятии всех — неудачница. Истеричка. А я — успешный, перспективный мужчина. Которому, кстати, его молодая сотрудница и подруга ждет сына.

Каждое слово — игла. Острая, отравленная.

— Что ты хочешь? — наконец срывается у меня. Голос звучит чужим, сдавленным.

— Я хочу, чтобы ты приняла правила игры, — говорит он просто. — Тишина. Никаких скандалов. Никаких попыток делить наше имущество. Особенно квартиру. Ты в ней живешь по моей доброй воле. Пока что. Потом как ребенок родится, съедешь оттуда и никаких финансовых претензий.

— Иначе? — спрашиваю я, уже зная ответ.

— Иначе, — он отталкивается от стола и делает шаг ко мне. Слишком близко. Я чувствую его запах, тот же, что вчера. — Иначе я раздавлю твою карьеру, как букашку. У тебя завтра же начнутся проблемы с каждой историей болезни. Каждая твоя назначенная таблетка будет перепроверяться. Каждый шов — критиковаться. Ты получишь самых безнадежных пациентов, и если с кем-то что-то случится... — он разводит руками. — Ну, ты понимаешь. Халатность, некомпетентность. В лучшем случае — увольнение по статье. В худшем... комиссия, лишение лицензии. Ты останешься ни с чем. Без работы, без репутации, без денег.

Он наклоняется ко мне, и его шепот становится ледяным и четким, как хирургический инструмент.

— Ты думаешь, ты что-то значишь здесь? Ты — рядовой хирург. Я — заведующий. У меня связи, авторитет, вес. Ты — никто против меня. Запомни это раз и навсегда.

Он выпрямляется, смотрит на меня сверху вниз. В его глазах — полная, безраздельная власть. Уверенность палача.

— Теперь можешь идти. На первом этаже поступает ребенок с переломом. Будешь вести. И чтоб без ошибок, Анна Викторовна. Я буду следить.

Глава 4

Ночь. Я сижу в пустой ординаторской, пью третью чашку холодного, горького кофе. Он не бодрит. Он просто заполняет пустоту внутри. На часах — два. Тихая смена. Тоскливая, как мое настроение.

От мыслей не убежать. Они роем кружат в голове, возвращаясь к вчерашнему разговору. «Ты — никто». Его слова вбиты в сознание, как гвозди. Мне даже в туалет страшно выйти — вдруг встречу Людмилу в ее новом халате с шелковой биркой. Ее победный взгляд. Я сжимаю ладонями горячий стакан, пытаюсь прогнать дрожь.

И вдруг тишину пререзает далекий, нарастающий вой сирен. Не одна. Много. Десятки. Они сливаются в ледящий душу хор, который быстро приближается. Сердце замирает, а потом начинает бешено колотиться, сбрасывая оцепенение. Это звук беды. Большой беды.

Я выскакиваю в коридор. Он уже наполняется суетой. Бегут санитары с каталками. Включается экстренная связь. Голос диспетчера, обычно такой размеренный, срывается на крик:

— Внимание всем дежурным бригадам! Массовое поступление! Взрыв в торговом центре «Северный»! Много пострадавших! Готовьте операционные!

Время сжимается, превращаясь в один сплошной, лихорадочный момент. Мы — уже не люди, а части единого механизма. Механизма спасения. Личная боль, унижение, страх — все это отсекается, как скальпелем. Остается только холодная, до тошноты знакомая концентрация.

Первые носилки влетают в приемное отделение. Крики, плач, запах гари и крови. Я уже не Анна, преданная жена. Я — доктор Королева. Мои руки автоматически нащупывают пульс, оценивают повреждения, отдаю распоряжения.

— Этого в третью операционную, у него внутреннее кровотечение! Этого — на рентген, переломы! Ребенка — ко мне, нужна срочная реплантация пальцев!

Адреналин жжет жилы. Голова ясная, как кристалл. Это моя стихия. Единственное место, где я все еще что-то значу. Где я — не никто.

И тут я вижу его. Александра. Он уже здесь, в эпицентре хаоса, но не суетится. Он стоит, как капитан на мостике тонущего корабля, и раздает указания. Его взгляд находит меня в толпе. И в этом взгляде нет профессиональной солидарности. Только холодный, расчетливый интерес.

Ко входу врывается новая группа санитаров. На носилках — мужчина. Крупный, мощный, даже сейчас, в беспомощности. Его форма военная, вся в крови и копоти. Лицо — бледное, восковое. Но волевое. Даже так. Рядом бежит капитан в такой же закопченной форме, его лицо искажено ужасом.

— Генерал Гордеев! — кричит он, хватая за руку первого попавшегося врача. — Он детей прикрыл... собой... Он должен жить! Он должен!

Слово «генерал» пролетает по коридору, как электрический разряд. К носилкам тут же устремляются журналисты, прорвавшиеся вслед за скорыми. Вспышки фотокамер. Шепот: «Герой... спас детей...»

Александр мгновенно оценивает обстановку. Он видит раненого, видит прессу, видит меня. Я вижу, как в его глазах что-то щелкает. Принимается решение.

Он делает несколько шагов и берет ситуацию под контроль.

— Капитан, успокойтесь, — его голос громкий, властный, рассчитанный на камеры. — Мы сделаем всё возможное. Генерал — в надежных руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.